

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
им. М.В. Ломоносова
ИСТОРИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

На правах рукописи

Лопатина Елена Борисовна

**ПОЛИТИКА РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В ПОЛЬСКОМ ВОПРОСЕ В
1880-1890-Е ГГ.**

Раздел 07.00.00 – Исторические науки

Специальность 07.00.03 – Всеобщая история (новое и новейшее время)

Автореферат диссертации на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Москва - 2011

Диссертация выполнена на кафедре истории южных и западных славян исторического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова.

Научный руководитель: кандидат исторических наук, доцент
Юрий Аркадьевич Борисёнок
(МГУ им. М.В. Ломоносова)

Официальные оппоненты: доктор исторических наук,
ведущий научный сотрудник
Светлана Михайловна Фалькович
(Институт славяноведения РАН)

кандидат исторических наук, доцент
Андрей Анатольевич Левандовский
(МГУ им. М.В. Ломоносова)

Ведущая организация: Федеральное государственное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Пермский государственный университет»

Защита состоится «18» мая 2011 года в _____ часов на заседании Диссертационного Совета Д.501.002.12 по всеобщей истории при Московском государственном университете им. М.В. Ломоносова.

Адрес: 119992, г. Москва, Ломоносовский проспект, д. 27, корп. 4, Исторический факультет МГУ, ауд. _____ .

С диссертацией можно ознакомиться в Научной библиотеке МГУ им. А.М. Горького (г. Москва, Ломоносовский проспект, д. 27)

Автореферат разослан « » _____ 2011 г.

Ученый секретарь
Диссертационного Совета
кандидат исторических наук, доцент

Т.В. Никитина

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность исследования. Проблема реформирования системы управления национальными окраинами применительно к потребностям центра была и остается актуальной для многонациональных государств. В 70-90-е гг. XIX века региональные реформы такого рода проходили не только в Российской империи, но и в ряде европейских государств, в том числе в Германии и Австро-Венгрии. Данная работа посвящена изучению процесса интеграции польских земель в рамках Российской империи, который осуществлялся в рамках общеимперского проекта унификации национальных окраин.

Для польских подданных Российской империи символом консервативной политики администрации Александра III стала деятельность И. В. Гурко на посту генерал-губернатора Привислинского края и командующего войсками Варшавского военного округа в 1883-1894 гг., а также А. Л. Апухтина в роли попечителя Варшавского учебного округа с 1879 по 1897 гг. В историографии взгляды и деятельность обоих администраторов как правило объединяют, хотя есть различия и в датах их службы в провинции, и во взглядах на ряд ключевых проблем.

Именно в 1880-1890-е гг. были проведены в жизнь ряд мер по унификации польских земель в составе Российской империи: ослаблены социально-экономические позиции польских помещиков, усилено преподавание и роль русского языка, под предлогом «очищения» богослужения от налета католицизма продолжалась борьба с униатской церковью, завершившаяся ее фактической ликвидацией, католическая церковь была подчинена Католической коллегии в Петербурге.

Стоит отметить, что мероприятия, как эпохи Александра II, так и правления Александра III как нельзя лучше соответствовали правительственному курсу по интеграции национальных окраин в составе Российской империи. Интеграция Царства Польского в Империю была необходима российским властям для удержания данной территории и

обеспечения стабильности западной границы государства. Сама логика существования империи предполагала ее расширение и рост ее могущества, и Российская империя в этом смысле не отличалась от остальных держав – Англии, Пруссии и т.д. И чем полнее была бы интеграция, тем прочнее и сильнее империя: мировая история наглядно доказала, что государство прочнее, если оно едино, а различия в законодательстве и административном делении на местном уровне неизбежно ведут к сепаратизму на национальной или региональной основе.

Предпринимавшиеся в годы правления Александра III меры по укреплению «русского начала» в Привислинском крае были частью более общей политики реформирования империи в ответ на вызовы все заметнее менявшейся ситуации в стране и мире. Изучение результатов этого проекта укрепления сплоченности многонационального государства имеет важное не только научное, но и практическое значение. Ведь Россия и сегодня не является мононациональным государством, ей и сегодня угрожают сепаратистские проявления. Именно эти мотивы, наряду с чисто профессиональными, обусловили выбор данной темы диссертационного исследования.

Историографический обзор. Первые попытки проанализировать правительственный курс в Привислинском крае эпохи Гурко и Апухтина в историографическом ключе относятся к началу XX века. Для российской историографии этого периода характерна если не откровенно отрицательная, то, по крайней мере, настороженная оценка внутренней политики администрации Александра III, которая, особенно у либеральных историков, ассоциировалась с курсом контрреформ и реакции и в центральных губерниях, а не только на национальных окраинах. В увидевшем свет в 1903 г. коллективном труде «Россия и ее западные окраины «Ответы на очередные вопросы в Царстве Польском» известные деятели польского консервативного лагеря в Петербурге В. Спасович и Э. Пильц обратили внимание на смену курса в системе образования после 1867 года (основное его содержание –

обязательное преподавание на русском языке), а вместе с этим и общий поворот политической линии в сторону усиления контроля над регионом¹.

Из обобщающих трудов этого периода стоит отметить «Историю России в XIX веке» издательства А. и И. Гранат². Показательно, что информация о мероприятиях администрации Александра III приводится здесь в разделе о польском вопросе, в подразделе, посвященном русификации. Направление мысли авторов достаточно прозрачно – политика 1880-1890-х гг., по их мнению, была жестким навязыванием русских традиций и языка в нерусских губерниях и, в частности, в Привислинском крае. В таком же духе рассуждает известный историк Погодин М. П. в труде «Исследования, замечания и лекции о русской истории»³.

В трудах же польских историков, издававшихся за пределами Российской империи накануне и в период Первой мировой войны, политика Александра III неизменно оценивалась однозначно отрицательно. В. Студницкий, прямо называя русских врагами, утверждал, что «нейтральная» политика русских властей в 1860-е годы была временной мерой, а когда власти решили, что восстание уже не возродится, началась открытая русификация⁴. Ш. Аскенази излагал краткую историю Царства Польского таким образом, что главная тема – русификация – находится в центре повествования, и через эту призму ведется даже рассказ о реформах 1860-х гг., которые, по нашему мнению, явно выбиваются из череды жестких мер российской администрации⁵.

Стереотипы о необоснованной жесткости внутренней политики российской администрации сохранились и укрепились в межвоенную эпоху.

¹ Россия и ее западные окраины. Ответы на очередные вопросы в Царстве Польском. Под ред. В. Спасовича и Э. Пильца. Киев. 1903. С. 142-144.

² История России в XIX веке. Изд-во А. и И. Гранат. Т. 6. СПб. 1907.

³ Погодин М. П. Исследования, замечания и лекции о русской истории. Т. 5-7. М. 1846-1857.

⁴ Studnicki Wł. Sprawa polska. Poznań. 1910. С. 464.

⁵ Askienazy S. Sto lat zarządu w Królestwie Polskim 1800-1900. Lwów. 1901.

В подобном стиле строили свои исследования В. Неджведский⁶, А. Войтковский⁷, Т. Мантейфель⁸.

Советские историки занимались в основном экономикой и общественной мыслью польских земель в избранный нами период. Мероприятия администрации Александра III рассматривались ими с точки зрения отсталости и реакционности политических структур царского режима, а соответственно, невозможности проводить здравую и рациональную внутреннюю политику. Например, А. Я. Манусевич в «Очерках по истории Польши» дал крайне негативную оценку действиям правительства Александра III. «Удушение национальной культуры»⁹, - таков, по мнению этого историка, общий лозунг проводимой политики. Аргументация автора строится на введении русского языка сначала в местной администрации (в губернаторском управлении, затем в финансовых институтах), позже в сферу образования. Все это были свидетельства жестокой, антинациональной политики. Примерно в том же духе строится концепция внутренней политики в Привислинском крае и в трехтомной академической «Истории Польши»¹⁰, и в «Истории южных и западных славян», увидевшей свет в 1969 г.¹¹.

В ПНР количество исследований, нацеленных на анализ ситуации 1880-1890-х гг. именно в Царстве Польском, или Привислинском крае, было достаточно велико. Это касается как обобщающих трудов¹², так и работ по конкретной тематике (среднее и высшее образование¹³, проблемы формирования национальной интеллигенции¹⁴, региональная

⁶ Niedźwiedski W. Rუსyfikacja a Apuchtin u nas// Przegląd Pedagogiczny. 1922. XLI. S. 197-199.

⁷ Wojtkowski A. Działalność Pruskiej Komisji Kolonizacyjnej. Toruń. 1932.

⁸ Manteuffel T. Centralne władze oświatowe na terenie b. Królestwa Kongresowego (1807-1915). Warszawa. 1929.

⁹ Манусевич А. Я. Очерки по истории Польши. М., 1952. С. 188.

¹⁰ История Польши. В 3-х тт. Т.2. М. 1955.

¹¹ История южных и западных славян. М. 1969.

¹² Polska XIX wieku: państwo, społeczeństwo, kultura. Warszawa. 1982; Brodowska H. Historia Polski drugiej połowy XIX wieku. Okres kapitalizmu przedmonopolistycznego. Łódź ; Warszawa. 1962.

¹³ Staszyński E. Polityka oświatowa caratu w Królestwie Polskim. Warszawa. 1968.

¹⁴ Żurawicka J. Inteligencja warszawska w końcu XIX wieku, Warszawa. 1978; Inteligencja polska XIX i XX wieku. Studia, pod red. R. Czepilis-Rastenis. T. 1- 4. Warszawa. 1978-1991; Fita S. Pokolenie Szkoły Głównej. Warszawa. 1980; Sadowski L. Polska inteligencja prowincjonalna i jej ideowe dylematy na przełomie XIX i XX wieku. Państwowe wydawnictwo naukowe. Warszawa. 1988.

административная политика в Варшаве¹⁵, экономическая политика российских властей¹⁶).

В 1950-1960-е гг. в Польше, как и в СССР, появляются монографии, написанные в идеологизированном ключе – причем для характеристики эпохи Александра III стереотипы межвоенной и даже дореволюционной эпохи менять было не нужно. Стоит отметить, что оценки работы К. Войчеховского 1954 г. по интересующей нас проблематике весьма похожи на мнения известных в межвоенную эпоху историков, а затем эмигрантов Вл. Побуг-Малиновского, М. Кукеля и Я. Кухажевского¹⁷. Кукезь, к примеру, рассуждал в стереотипном ключе, не чуждом марксизму: «Царство Польское было для Российской империи завоеванной колонией, которую можно и нужно эксплуатировать при минимальных финансовых затратах...»¹⁸.

Для историков эпохи ПНР было характерно внимание прежде всего к отрицательным сторонам внутренней политики царских властей, хотя к концу 1980-х гг. анализ материала становится более взвешенным по сравнению с предыдущим периодом. Однако и в 1990-х гг. встречаются субъективные и неоправданно резкие оценки имперской политики. Например, достаточно резки суждения Е. В. Борейши: «Долгие десятилетия поколения поляков жили в атмосфере безнадежности. Исключением были, пожалуй, только те польские земли, которые входили в Австрийскую империю, однако и там до конца XIX века не было возможности восстановить польскую государственность...»¹⁹. Автор рассматривал ситуацию в Привислинском крае с точки зрения возможности восстановления польской государственности, альтернативные же варианты развития польских земель Борейша расценивал крайне негативно.

¹⁵ Kieniewicz St. Warszawa w latach 1795-1914. Warszawa. 1976.

¹⁶ Brodowska H. Historia Polski drugiej połowy XIX wieku. Okres kapitalizmu przedmonopolistycznego. Łódź ; Warszawa. 1962.

¹⁷ Wojciechowski K. Oświata ludowa 1863-1905 w Królestwie Polskim i Galicji. Warszawa. 1954; Pobóg-Malinowski Wł. Najnowsza historia polityczna Polski, 1864-1945. T. 1; Kucharzewski J. Od białego caratu do czerwonego. Triumf reakcji. Pod redakcją naukową A. Szwarca i P. Wiczorkiewicza. T. 7. Warszawa. 2000.

¹⁸ Kukiel M. Dzieje Polski porozbiorowej, 1795-1921. Paris. 1983. S. 453.

¹⁹ Borejsza J. W. Piękny wiek XIX. Warszawa. 1990. S. 256.

С 1990-х годов в российской историографии появляется устойчивый интерес к проблемам функционирования империи и взаимоотношений центрального имперского аппарата с национальными окраинами. В современной российской историографии можно выделить два основных направления: изучение стереотипов в восприятии одного народа другим⁴⁷ и исследование национальной политики России, проблемы русификации. В большинстве монографий российская политика в Царстве Польском рассматривается исключительно через призму национальной политики в целом. Отечественные специалисты подхватили основной побудительный мотив исследования известного западного специалиста А. Каппелера – «создать общую картину России как многонациональной державы»²⁰. В отечественной науке подобный подход начал реализовывать В. С. Дякин в своем незавершенном труде «Национальный вопрос во внутренней политике царизма»²¹.

На современном этапе развития науки круг интересов историков-полонистов широк – это и административная, и образовательная, и судебная, и финансовая деятельность правительства Российской империи. Современные российские исследователи пытаются преодолеть устоявшиеся концепции и перейти на новый уровень анализа исторической ситуации в XIX столетии, характеризующийся комплексным подходом к фактам и событиям. В этом плане интересны работы Л. Е. Горизонтова²², А. И. Миллера²³ и М. Д. Долбилова²⁴, А. А. Комзоловой²⁵. Ценные наблюдения содержатся в исследованиях С. М. Фалькович, опубликованных в последние

²⁰ Каппелер А. Россия – многонациональная империя: Возникновение, история, распад. М. 2000. С.7.

²¹ Дякин В. С. Национальный вопрос во внутренней политике царизма // Вопросы истории. 1995. № 9. С. 130-134; 1996. № 11-12. С. 39-72.

²² Горизонтов Л.Е. Поляки и польский вопрос во внутренней политике Российской империи, 1831 – начало 20 века: Ключевые проблемы. Автореферат дис. ... д.и.н. М. 1999. С. 34-35. Горизонтов Л.Е. Парадоксы имперской политики: поляки в России и русские в Польше. М. 1999. С. 14-15.

²³ Миллер А. И. Империя Романовых и национализм. М. 2006; Миллер А. И. Тема центральной Европы: история, современные дискурсы и место в них России // Новое литературное обозрение. 2001. № 52. С. 75-96.

²⁴ Западные окраины Российской империи / ред. М. Долбилов, А. Миллер. М. 2006. М. Долбилов. Русский край, чужая вера: этноконфессиональная политика империи в Литве и Белоруссии при Александре II. М. 2010.

²⁵ Комзолова А. А. Политика самодержавия в Северо-Западном крае в эпоху Великих реформ. М. 2005.

годы. Прежде всего следует назвать ее работы, посвященные проблемам развития польской нации и национального самосознания в конце XVIII-начале XX века²⁶, а также роли восстания 1863-1864 г. в процессе складывания национального стереотипа поляков в сознании русских²⁷.

Для новейшей польской историографии свойственен более глубокий, чем у предыдущего поколения исследователей, подход к историческим проблемам XIX столетия. Авторы обращаются к общеисторическому контексту, пытаясь выявить закономерности и тенденции. Отметим, что современные польские историки интересуются и новыми проблемами, ранее казавшимися неперспективными, - например, подробностями жизни губернаторов и их ближайших подчиненных. Таким образом, исследователи пытаются выяснить, кто же в действительности управлял польскими землями. Л. Химяк дает общую характеристику губернаторов Царства Польского и Привислинского края по следующим признакам: происхождение, социальная принадлежность, земельная собственность губернаторов, пенсии и привилегии, вероисповедание и происхождение предков. Автор приходит к выводу, что, подбирая кадры высшей администрации, «царские власти обращали внимание в основном на то, чтобы кандидат в губернаторы принимал политическую линию правительства. От кандидатов... не всегда требовалось знание реалий жизни Царства»²⁸. Интересный круг проблем рассматривает в своих монографиях А. Хвальба²⁹. Он пишет об отношениях чиновников-поляков и чиновников-россиян к власти и между собой. Его рассуждения созвучны выводам А. И.

²⁶ Фалькович С.М. Исторические, культурные, языковые, религиозные традиции как фактор развития нации и национального самосознания в условиях отсутствия национальной государственности (на материалах истории Польши конца XVIII – начала XX вв.) // Феномены истории. М. 2005.

²⁷ Фалькович С.М. Роль восстания 1863 г. в процессе складывания национального стереотипа поляков в сознании русских // *Polacy a Rosjanie*. Warszawa. 2000.

²⁸ Chimiak Ł. Gubernatorzy rosyjscy w Królestwie Polskim 1863-1915. Szkic do portretu zbiorowego. Wrocław, 1999. S. 88.

²⁹ Chwalba A. Imperium korupcji w Rosji i w Królestwie Polskim w latach 1861-1917. Kraków. 1995; Chwalba A. *Polacy w służbie moskali*. Warszawa; Kraków. 1999.

Миллера об «обоюдной русификации»³⁰, или частому содействию со стороны поляков мероприятиям по русификации региона.

К вопросу о региональных особенностях губернского управления на рубеже XIX-XX вв. обращаются А. Гурак³¹ и К. Лятавец³² на примере Люблинской губернии. Исследователи подмечают интересные социально-политические, демографические и экономические аспекты управления Люблинской губернией. Что же касается вопросов, касающихся организации управления Привислинским краем в целом, то авторы уделяют им гораздо меньше внимания. В частности, Лятавец обращается к проблеме положения россиян разных профессий в Люблинской губернии, на что и указывает во вступлении к своей монографии³³. Рассуждения об общем направлении имперской политики в Привислинском крае ограничиваются уже известными утверждениями, как, например: «Стало ясно, что после подавления Январского восстания школьная система края стала одним из орудий обрусения польских земель»³⁴. В монографии Гурака также наряду с показательной информацией регионального характера присутствуют штампы, касающиеся периода управления Привислинским краем И. В. Гурко, которого автор монографии не раз называет «самым решительным и умелым русификатором»³⁵.

Стереотипные подходы к истории конца XIX века все еще живы, что видно по прочтении учебника по истории Польши, вышедшего в 2004 г. и переведенного на русский язык. На страницах издания читаем: «Уже с 1883 года начался период жестокой реакции...Генерал-губернатором в Королевстве Польском стал Гурко, который вместе со своими приспешниками, в особенности при содействии попечителя Варшавского

³⁰ Миллер А. Империя Романовых и национализм. М. 2006. С. 63-65.

³¹ Górak A. Kancelaria Gubernatora i Rząd Gubernialny Lubelski (1867-1918). Lublin. 2006.

³² Latawiec K. W służbie imperium. Structura społeczno-zawodowa ludności rosyjskiej na terenie guberni Lubelskiej w latach 1864-1915. Lublin. 2007.

³³ Ibid. S. 14-15.

³⁴ Ibid. S. 118.

³⁵ Górak A. Op. cit. S. 83, 210.

учебного округа Апухтина, всячески способствовал процессу русификации»³⁶.

Еще дальше пошел польский исследователь А. Менцвель, чья работа увидела свет в сборнике «Поляки и русские: взаимопонимание и взаимонепонимание»: «Угроза утраты национального самосознания, которая... была реально и как нельзя более ощутима в последней четверти XIX века... времен Хурки (так в тексте. - *Е. Л.*) и Апухтина... Потеря национального самосознания из-за чуждого образования, бывшего на самом деле невежеством, ужасна, и этот ужас был изведен в полной мере»³⁷. Это уже не просто концепция врага, но врага ужасного и чудовищного. Характерно, что генерал Гурко усилиями переводчика и редакторов сборника А. В. Липатова и И. О. Шайтанова превратился в некоего «Хурку», идентифицировать которого в именном указателе не представилось возможным.

Политика администрации Российской империи также занимает значимое место в англоязычной и франкоязычной историографии. Работы 1950-1970-х годов грешат однобокостью представлений о принципах управления губерниями в Российской империи³⁸. В монографиях Дж. Армстронга, например, присутствуют сравнения основ функционирования имперских институтов с основами организации управления советским государством в духе жесткого подчинения окраин центру в ущерб поступательному развитию губерний³⁹. Другой американский исследователь, Дж. Яни делает такой вывод о сути имперской политики в западных регионах: «Российская социальная политика была прогрессивной (например, крестьянская реформа),

³⁶ История Польши. Под ред. Тымовского М., Кеневича Я., Хольцера Е. М. 2004. С. 352.

³⁷ Менцвель А. Отношение к России: взаимопереплетение или насилие? // Поляки и русские: взаимопонимание и взаимонепонимание. М. 2000. С. 49.

³⁸ Zyżniewski J. S. Russian policy in the Congress Kingdom of Poland 1863-1881. Massachusetts. 1956; Walkin J. The rise of democracy in the pre-revolutionary Russia: political and social institutions under the last tzars. New York. 1963.

³⁹ Armstrong J. A. Tsarist and Soviet elite administrators // Slavic Review. 31. Seattle. March 1972.; Idem. Old-regime governors; bureaucratic and patrimonial attributes. // Comparative Studies in Society and History. T. 14. January 1972. № 48.

образовательная же политика была антилиберальной... Русификация школ достигла апогея при генерал-губернаторе Гурко и кураторе Апухтине»⁴⁰.

Что касается современной западноевропейской и американской историографии, то центральным в изучении реформ администрации второй половины XIX века и последовавших затем контрреформ 1880-х годов является вопрос о причинах, характере и следствиях изменения системы административных институтов. Если суммировать взгляды большинства западных историков по данной проблеме, то можно констатировать, что основной причиной этих преобразований 1860-х годов они считают особенности процесса модернизации России, который носил догоняющий характер. На этой концепции строятся рассуждения М. Раева⁴¹, Д. Ливена⁴², Р. Роббинса⁴³, во многом объясняющие характерные черты русской истории, дающие возможность по-новому подойти к интерпретации административных преобразований, перестройке институтов и учреждений.

По концепции Р. Роббинса, назначение более компетентных чиновников в провинциальную администрацию не означало смягчения отношений между правительством и обществом, как и не гарантировало спокойного функционирования бюрократической машины. Напротив, казалось, достигался противоположный результат. Поскольку губернаторы становились более опытными в сфере государственного управления, они были более склонны идти на конфликт с земствами и городскими думами (если речь идет о центрально-европейских губерниях Российской империи), которые также старались определять политическую линию в своих областях. Более того, опыт и знания высших провинциальных управленцев снижал возможности Петербурга напрямую руководить их деятельностью в провинциях. Профессионализм губернаторов, по мысли Роббинса, скорее

⁴⁰ Yaney G. L. The systematization of Russian Government: Social evolution of the domestic administration of Russia, 1711-1905. Urbana. University of Illinois Press. 1973. P. 79.

⁴¹ Raeff M. Comprendre l'ancien régime russe. Etat et société en Russe imperial. Paris. 1982.

⁴² Lieven D. Russian Rulers under the Old Regime. New Heaven. 1989.

⁴³ Robbins R. Choosing the Russian governors: the professionalization of the gubernatorial corps. // Slavonic and East European Review. T. 58. 1980, №4; Robbins R. The Tsar's viceroys: Russian provincial governors in the last years of the Empire. New York. 1987.

препятствовал, чем способствовал проведению основных преобразований в русском обществе центральным правительством⁴⁴.

В обобщающих работах, посвященных высшей администрации в провинции⁴⁵, образовательной⁴⁶ и социально-экономической⁴⁷ политике российских властей, содержится мало конкретной информации о политике Апухтина и Гурко в Царстве Польском.

В отличие от польской историографии, западноевропейские исследователи оценивают преобразования в Привислинском крае не только с точки зрения их полезности для поляков, но и относительно интересов других национальных меньшинств Российской империи. Особенно часто западные историки обращались к вопросу сравнения положения поляков и евреев в Царстве Польском⁴⁸. Но, как и польские исследователи, их западноевропейские коллеги отнюдь не были склонны сравнивать положение национальных меньшинств Российской империи с положением русского населения, к примеру, тех регионов империи, где русские не являлись большинством.

Суммируя все сказанное выше о состоянии историографии, можно констатировать, что правительственная политика в Привислинском крае в 1880-1890-е гг. в отечественной историографии исследована на данный момент далеко не в полной мере. Изучение этих вопросов в значительной степени оттеснено на второй план исследованиями, касающимися территорий современных Украины и Белоруссии, а также Прибалтики⁴⁹. Польскую историческую науку отличает гораздо более глубокая разработка проблем административного управления, образования и экономики в

⁴⁴ Robbins R. Op. Cit. P. 560.

⁴⁵ Armstrong J. A. Op. cit; Whelan H. Op cit.; Rogger Hans. Russia in the age of modernization and revolution, 1881-1917. London. 1983.; Seton-Watson H. The decline of Imperial Russia. 1855-1914. Colorado. 1985. Kappeler A. La Russie Empire multiethnique. Paris. 1994.

⁴⁶ Besançon A. Éducation et société en Russie dans le second tiers du XIXe siècle. Paris. 1974; Idem. Etre russe en XIX siècle. Paris. 1974.

⁴⁷ Acton E. Russia. The tsarist and soviet legacy. New York. 1995.

⁴⁸ Corrsin S. D. Warsaw before the First World War: Poles and Jews in the third city of the Russian Empire, 1880-1914. New York. 1989; Zimmerman J. D. Poles, Jews and the politics of nationality. The University of Wisconsin Press. 2004.

⁴⁹ См., напр., вышеупомянутую коллективную монографию «Западные окраины Российской империи», а также другие работы А.И. Миллера. См. также: Комзолова А.А. Указ. соч.

Привислинском крае в интересующий нас период, однако, наряду с часто встречающейся субъективностью польских историков, следует отметить значительную поляризацию мнений в их исследованиях. Для большинства исследователей характерна, в большей или меньшей степени, антироссийская направленность повествования. Англоязычная и франкоязычная историография обнаруживает некоторый набор разрозненных мнений – британских, американских и французских ученых больше привлекают общероссийские проблемы, и непосредственно Привислинский край лишь изредка попадает в фокус их исследований.

Исходя из состояния историографии, были определены объект, предмет, цель и задачи исследования.

Объектом исследования является преобразовательный процесс в Привислинском крае и обусловленность этого процесса меняющейся ситуацией в империи и в регионе, а также пониманием властью государственных потребностей.

Предмет данного диссертационного исследования – система административных преобразований в Привислинском крае, изменивших основы провинциального управления краем, внесших коррективы в систему начальных, средних и высших учебных заведений региона, а также уточнивших положение католической церкви в Российской империи.

Особое внимание в работе уделено вопросу о социально-политических преобразованиях в Привислинском крае и русификации в провинциальной администрации, а также на всех уровнях системы государственного образования.

Целью исследования является изучение процесса интеграции Привислинского края в состав Российской империи в 1880-1890-е гг., а также оценка возможностей центрального правительства эффективно проводить преобразования в крае.

Для достижения данной цели были сформулированы следующие **исследовательские задачи**:

1) краткий сравнительный анализ основополагающих принципов управления польскими территориями правительствами государств, участвовавших в разделах Речи Посполитой;

2) на основе этого анализа – оценка возможностей российского правительства осуществлять необходимые реформы по проведению политики государственной унификации западных национальных окраин в составе Российской империи;

3) выяснение вопроса о том, насколько государственная законодательная база по провинциальному администрированию была продумана и подготовлена для реализации преобразований в крае;

4) исследование процесса преобразований в административном управлении Привислинского края с позиций соответствия системы управления краем единому общеимперскому образцу;

5) определение уровня согласованности преобразовательных решений администрации Привислинского края в вопросах провинциального управления, начального, высшего и среднего образования, а также в конфессиональном вопросе.

Хронологические рамки работы охватывают временной отрезок с 1879 по 1897 гг. Отправной точкой исследования является назначение А. Л. Апухтина по пост попечителя Варшавского учебного округа, что стало началом преобразований в администрации и управлении польскими землями в составе Российской империи. Хронология исследования завершается 1897 годом – отставкой Апухтина из администрации Привислинского края, что было формальным завершением этапа в управлении краем, который в историографии до настоящего времени называют «политикой Гурко-Апухтина».

Методологическая основа исследования. Диссертация написана с учетом современных методик исторических исследований. Используемые методы исследования соответствуют целям и задачам работы. Ключевое значение имеют историко-генетический метод, дающий возможность

проследить изучаемые явления в динамике, а также сравнительно-исторический, позволивший определить основные черты сходства и различия систем управления польскими землями в трех империях, участвовавших в разделах Речи Посполитой, а также выделить основные аспекты развития системы провинциального администрирования в Царстве Польском в 1880-1890-е гг. Частично был использован метод лингвистической компаративистики, позволяющий проследить некоторые аспекты взаимовлияния национальных языков. Комплексный подход к изучению правительственной политики на польских землях позволяет пролить свет на цели и задачи русских властей в управлении национальными окраинами и на особенности их реализации в условиях прессинга со стороны соседних держав и в условиях ограниченного финансирования - то есть ответить на основные вопросы, поставленные в работе.

Обзор источников. Для написания работы был привлечён разнообразный источниковый материал. Его условно можно разделить на три группы: 1) источники документального характера – законодательные акты и официальная документация; 2) периодика и публицистика; 3) источники мемуарно-дневникового и литературного характера.

Особую ценность представляют неопубликованные документы из российских и зарубежных архивов. Основной массив архивных документов по интересующей нас теме – это документы, связанные с деятельностью двух высших сановников в Привислинском крае – И. В. Гурко и А. Л. Апухтина. Полезные для исследования избранной темы документы содержатся в Российском государственном историческом архиве в Санкт-Петербурге (РГИА), Государственном архиве Российской Федерации в Москве (ГАРФ), а также в Главном архиве древних актов в Варшаве (AGAD).

Документы, исходящие из центрального административного аппарата империи, использовались в работе не случайно. Именно такой источник позволяет адекватно определить стратегию руководства имперской администрации в отношении региональной политики.

Важные для данного исследования документы хранятся в фонде ГАРФ «Хозяйственный департамент министерства внутренних дел» - отчеты о реальных финансовых вложениях правительства в проект поддержки чиновников среднего звена в отдаленных губерниях Российской империи. В частности, значительный интерес представляет дело «О расходах на пенсии и единовременные выплаты пособия лицам, перешедшим на службу из империи в Царстве Польском»⁵⁰ (1878-1882 гг.). Информация, содержащаяся в документе, противоречит материалам другого дела, часто цитируемого в современной историографии - «О даровании чиновникам русского происхождения, служащих в Царстве Польском, прав на привилегии»¹²⁸ (1883-1884 гг.) При тщательном изучении обоих документов и привлечении дополнительных материалов⁵¹ удалось выяснить, что факт активной финансовой помощи правительства региональным чиновникам русского происхождения явно преувеличивается в имеющейся историографии.⁵²

Для нас также имели значение документы, созданные в центральных имперских учреждениях, занимающихся вопросами начального, среднего и высшего образования, поскольку одной из задач исследования является рассмотрение особенностей школьной политики центрального правительства с точки зрения общей преобразовательной концепции в империи. При изучении данных дел удалось выявить интересную закономерность – противоречия между И. В. Гурко и А. Л. Апухтиным носили системный характер – это было одной из причин, ослаблявших позиции центральных властей в регионе⁵³. В имеющейся же историографии по вопросу исследования действия двух руководителей обычно объединяются. Они часто представляются единым целым, одной командой, работавшей согласованно по заранее намеченному центральными властями плану⁵⁴. На

⁵⁰ РГИА. Ф.1287. Оп. 35. Д. 1385.

⁵¹ РГИА. Ф. 733. Оп. 194. Д. 1215; РГИА. Ф. 560. Оп. 18. Д. 590.

⁵² См. Например: Dajnowicz M. Op. cit. S. 124-125; Kozłowski J. Op. cit. S. 83.

⁵³ См.: РГИА. Ф. 733. Оп. 194. Д. 373. Л. 1-2., РГИА. Ф. 1274. Оп. 223. Д. 221. Л. 8-9, РГИА. Ф. 1604. Оп. 1. Д. 272. Л. 13 (об) -14. AGAD. F. Kancelaria Generała-Gubernatora Warszawskiego.W. 1. Ref. 2. № 45. S. 6.

⁵⁴ Манусевич А. Я. Указ. Соч. С. 180; История Польши. В 3-х тт. Т.2. М. 1955; Staszyński E. Op. Cit.; Borejsza J. W. Op. Cit. S. 258.; Dybiec J. Op. Cit.

наш взгляд, если и соединять эти фамилии в контексте событий конца XIX века, то с оговоркой, что каждого из названных сановников являлся самостоятельной фигурой⁵⁵.

Ценным для нас было то, что большая часть документов, если и привлекалась исследователями для исторического анализа, то для рассмотрения иных аспектов положения Привислинского края в составе Российской империи. Например, для исследования истории формирования и эволюции классового движения на польских землях, что, как известно, было популярно среди историков в 1950-1960-е гг., однако эта информация почти не привлекалась к анализу административной политики Российской империи в Привислинском крае в 1880-1890-е гг.

Крупнейшим комплексом опубликованных законодательных актов является «Полное собрание законов Российской империи»⁵⁶. При написании работы использовалось 3-е собрание, освещающее законодательную деятельность эпохи Александра III.

В работе также использовались источники, связанные с административной деятельностью правительства, но не являющиеся в полном смысле слова законодательными актами - «Общий обзор деятельности Министерства внутренних дел за время царствования императора Александра III»⁵⁷ и «Исторический обзор деятельности Министерства народного просвещения, 1802-1902»⁵⁸.

Кроме того, для анализа привлекались официальные статистические данные о количестве учебных заведений в Привислинском крае⁵⁹. Несмотря на возможные неточности, присущие статистике как таковой, а официальным

⁵⁵ Лопатина Е. Б. Апухтин против Гурко. Противоречия имперских администраторов // Родина. 2011. № 3.

⁵⁶ Полное собрание законов Российской империи. Собрание 3-е. Т. 1-5. СПб. 1885.

⁵⁷ Общий обзор деятельности Министерства внутренних дел за время царствования императора Александра III. СПб. 1902.

⁵⁸ Рождественский С. В. Исторический обзор деятельности Министерства народного просвещения, 1802-1902. СПб. 1902.

⁵⁹ Народное образование в 10 губерниях Царства Польского за 90 лет, 1816-1906, его успехи и развитие за последнее сорокалетие. Низшие, средние и высшие школы, университет. (под ред. В.В. Есипова). // Труды Варшавского статистического комитета. 1907. Вып. XXVIII.

сведениям в особенности (возможны фальсификации в интересах властей), указанные данные признаны и используются историками⁶⁰.

Если на основании приведенных источников можно выявить основной вектор государственной политики в Привислинском крае, то в том, как реально работали эти законы, помогает разобраться массив источников мемуарного характера.

В работе использовались как польские, так и русские дневники и воспоминания. Из польских авторов в плане избранной нами проблематики выделяются К. Бейлин⁶¹, Ф. Хёсик⁶², С. Стемповский⁶³, К. Микошевский⁶⁴, А. Залеский⁶⁵ и Т. Червиньский⁶⁶. Эти источники тем интереснее, что представляют точки зрения совершенно разных людей – принадлежащих разным социальным группам, с разным образованием и жизненным опытом. Хёсик и Залеский – варшавские интеллигенты, Бейлин – светская дама, имеющая знакомых по всей Варшаве, Стемповский – радикал, Микошевский и Червиньский – ксендзы. Все они были современниками Гурко и Апухтина, на их глазах разворачивались исторические события царствования Александра III, подробностями которых авторы мемуаров делятся с читателями.

Примечательно, что точку зрения польских мемуаристов полностью разделил в своих мемуарах «Путь русского офицера» один из вождей Белого движения генерал А. И. Деникин. По мнению уроженца Варшавской губернии, полуполяка (по матери), во времена его обучения в реальном училище в 1880-е гг. проводилась «тяжелая, нелепая и обидная для поляков русификация»⁶⁷.

⁶⁰ См., напр.: Wroczyński R. Op. cit. S. 132.

⁶¹ Beylin K. Dni poprzednie Warszawy w latach 1880-1900. Warszawa. 1967.

⁶² Hoesik F. Powieść mojego życia. Pamiętniki. Wrocław. 1959.

⁶³ Stempowski S. Pamiętniki, 1870-1914. Wrocław. 1953.

⁶⁴ Mikoszewski K. Pamiętniki. Warszawa. 1987.

⁶⁵ Zaleski A. Towarzystwo Warszawskie. Listy do przyjaciółki przez Baronową, oprac. R. Kołodziejczyk. Warszawa. 1971.

⁶⁶ Czerwiński T. Pamiętniki. Kielce. 1931.

⁶⁷ Деникин А. И. Путь русского офицера. М. 1990. С. 12.

Несколько особняком в ряду привлеченных к теме исследования мемуарных источников стоят работы Ориона⁶⁸, Н. Дубровского⁶⁹ и В.И. Гурко⁷⁰: они помимо личных впечатлений предлагают и попытки анализа политики Александра III в Царстве Польском. Во многом контрастной по сравнению с первыми двумя является работа Владимира Иосифовича Гурко – одного из сыновей И. В. Гурко, - написана совершенно в другом ключе. В своем социально-политическом очерке Гурко-младший обозначает задачи русской власти в Привислянье. Этого мемуариста правильнее всего охарактеризовать как «государственника». С его точки зрения все сословные и классовые интересы в «русской Польше» должны быть подчинены общей задаче - обеспечению мощи и процветания России в целом.

Научные (в плане стиля скорее научно-популярные) труды А. Л. Апухтина полезны в том смысле, что по ним можно проследить взгляды автора как профессионального педагога. Результатом педагогической деятельности Апухтина, в течение нескольких лет возглавлявшего школу межевых топографов, а затем Константиновский Межевой институт, стали две книги: «Очерк истории Константиновского Межевого института»⁷¹ и «Описание некоторых учебных заведений Франции, Бельгии и Пруссии»⁷².

На основании научных трудов Апухтина (исследователи к ним, кстати, практически не обращались) можно утверждать, что будущий попечитель Варшавского учебного округа являлся разносторонним человеком, получившим серьезное техническое и гуманитарное образование. Со знанием дела и в доступной форме он рассуждает о сильных и слабых сторонах европейского и отечественного инженерного образования и о том, как можно улучшить устройство российских учебных заведений технического профиля.

Наконец, в качестве одного из источников исследования привлекалась периодическая печать. Это синтетический материал, включающий в себя

⁶⁸ Orion. Charakterystyka rządów Alexandra III w ziemiach polskich (1881-1894). Lwów. 1895.

⁶⁹ Дубровский Н. Официальная наука в Царстве Польском (Варшавский университет по личным воспоминаниям и впечатлениям). СПб. 1908.

⁷⁰ Гурко В. И. Очерки Привислянья. М. 1897.

⁷¹ Апухтин А. Л. Очерк истории Константиновского Межевого института. СПб. 1879.

⁷² Апухтин А. Л. Описание некоторых учебных заведений Франции, Бельгии и Пруссии. СПб. 1893.

самую разнообразную по жанру, происхождению и характеру информацию: официальные сообщения и документы, публицистику, письма, хронику, всевозможную газетную информацию (заметки-отчеты, репортажи, интервью и пр.). В настоящем диссертационном сочинении использованы материалы из следующих польских периодических изданий: «Курьер Варшавски», «Курьер поранны», «Газета Польска», «Глос» - (все издавались в Варшаве), «Час» (в Кракове), и «Край» (СПб). Газетные материалы послужили источником дополнительных сведений о том, как те или иные события в Привислинском крае интерпретировались общественностью. Большинство из этих изданий представляли проправительственную точку зрения на происходившие преобразования. Исключениями, пожалуй, были газета «Глос», редакторы которой допускали к печати аналитические статьи, негативно оттеняющие политику российских властей в вопросах условий труда, преобразований в школах и др., а также газета «Час», издававшаяся в Кракове и представлявшая интересы консервативного крыла польской общественности.

Можно утверждать, что в прессе не было высказано продуманного мнения по поводу политики российских властей в Царстве Польском, в большой степени из-за усиленного контроля над прессой в Привислинском крае. Аналитика по ключевым вопросам политического и социального характера представляет собой ряд разрозненных мнений. По мнению известного исследователя польской прессы, на наш взгляд, логичному, «не последнюю роль играло и желание [владельцев газет] получить коммерческую прибыль. Владельцы газет, пытаясь сделать бизнес как можно более прибыльным, избегали открытой критики властей, поскольку это могло повлечь за собой репрессии и даже закрытие».⁷³

В целом указанный комплекс источников можно считать релевантным при анализе реальных действий правительства в Привислинском крае, а следовательно, соответствующим целям и задачам данной работы. Архивные

⁷³ Kmiecik Z. Op. cit. S. 29.

источники, многие из которых привлекаются нами к исследованию впервые в историографии, позволяют открыть новые грани в управлении Привислинским краем в 1880- 1890-е гг. Обширный комплекс официальных документов позволяет воссоздать формально-теоретическую базу преобразований в Привислинском крае; материалы периодической печати и источники личного происхождения дают возможность нарисовать в общих чертах реальную картину происходившего.

Практическая значимость исследования. Материалы диссертационного сочинения могут быть использованы при подготовке общих и специальных курсов по истории Польши и по отечественной истории XIX века, особенно с уклоном в социально-политические аспекты. Также исследование может быть полезно для лингвистов, изучающих процессы русификации и взаимовлияния русского языка и языков различных окраин Российской империи. Вместе с этим материалы диссертации могут быть использованы историками права для изучения правовых основ функционирования провинциальной администрации в национальных окраинах Российской империи в конце XIX века на примере Привислинского края.

Апробация результатов исследования. Ряд проблем, проанализированных в диссертации, апробирован в опубликованных автором статьях. Диссертация обсуждена на заседании кафедры истории южных и западных славян исторического факультета Московского Государственного Университета им. М.В. Ломоносова и рекомендована к защите.

СТРУКТУРА И СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

В соответствии с целями и задачами исследования диссертация состоит из введения, трех глав, заключения и библиографии.

Введение содержит обоснование актуальности темы диссертации, формулировку целей и задач исследования, определение хронологических рамок. Оно также включает обзор источников и историографии,

характеристику избранных методов исследования, определение его научной новизны и практической значимости.

Первая глава, «Административная политика Российской империи в Привислинском крае в 1880-1890 гг.», представляет особенности регионального управления в империи Романовых на примере польских земель.

В первом параграфе рассматривается общее направление политики Российской империи в польских землях в сравнении с польской политикой Австро-Венгерской и Германской империй во второй половине-конце XIX века. В результате сравнения систем управления национальными окраинами, которые применялись в Австро-Венгрии, Пруссии и России - соответственно, в отношении Галиции, Познани и Царства Польского - выясняется, что у российского правительства были как серьезные предпосылки для упрочения своей власти в регионе, так и значимые препятствия реализации программы интеграции польских земель в Империю. Объективная картина была такова, что с самого начала присоединения польских земель к Российской империи было очевидно, как сложно придется удерживать под контролем и обеспечивать стабильность в западных приграничных областях. Опираясь на это сравнение, можно также сделать выводы о возможных сильных сторонах позиции российского правительства, к чему, по логике, должны были стремиться российские администраторы при формировании концепции управления Привислинским краем. Проблема была в том, насколько эффективно применялись, в частности, экономические рычаги регионального управления – потенциально успешные для российских администраторов. Чтобы ответить на этот вопрос, необходимо, во-первых, иметь четкое представление о должностных обязанностях ответственных администраторов и их подчиненных, во-вторых, исследовать частные аспекты введения в жизнь мер, обозначаемых в правительственных документах. Законодательные и административные вопросы эпохи губернаторства И. В. Гурко рассмотрены во втором параграфе.

В результате анализа общетеоретических вопросов о региональном законодательстве и административном управлении на местах мы приходим к выводу, что в Привислинском крае, в том числе, по объективным причинам отсутствия качественной селекции кадров, существовал стереотип невежественного и грубого русского чиновника, который впоследствии и подтверждался в глазах коренного населения края поведением и действиями чиновников разных рангов. Чтобы понять, насколько фактор селекции регионального чиновничества был важен в проведении административных преобразований в Привислинском крае, необходимо обратиться к анализу деятельности И. В. Гурко в качестве генерал-губернатора в исследуемый период времени и к тому, что и как было реализовано в то время, когда он возглавлял исполнительную власть в регионе.

Именно эти вопросы рассмотрены в третьем параграфе. Изучение общих и частных инструментов и методов воплощения в жизнь концепции слияния центральных губерний и Привислинского края позволяет говорить об ошибках, допущенных на всех уровнях реализации управленческой программы в ее социально-экономическом и культурном разделах. В частности, была явно не продумана экономическая политика в отношении польских помещиков – издавна сложившаяся система получения прибыли помещиками за счет аграрного сектора была разрушена, а новой эффективной системы создано не было, в связи с чем увеличилась вероятность возникновения очага социальной нестабильности именно в среде крупных и средних землевладельцев. Более того, отмечались недостатки в политике правительства в области культуры – большинство промахов было связано с давней для империи Романовых проблемой неэффективного финансирования ключевых проектов и нецелевого расходования средств.

Во **второй главе**, «Образовательная политика российского правительства в Привислинском крае», проанализирована правительственная политика в сфере образования.

Первый параграф главы освещает основные моменты деятельности А.Л. Апухтина на посту попечителя Варшавского учебного округа. Анализ законодательных документов по провинциальному управлению в Российской империи показывает, что успех деятельности попечителя учебного округа, если не напрямую, то косвенно зависел от согласованности его действий с политикой, проводимой генерал-губернатором, и наоборот. Представляется, что такое соотношение властных полномочий генерал-губернатора и попечителя учебного округа усиливало бюрократическую громоздкость системы управления в регионе и тормозило проведение в жизнь любых сколько-нибудь значимых преобразований. Для совместной работы губернатора и попечителя должны были быть созданы соответствующие механизмы. Однако на практике мы видим, что действовать сообща высшим провинциальным чиновникам было затруднительно в связи с нечеткостью системы подчинения и разделения функций между генерал-губернатором и попечителем учебного округа: генерал-губернатор, высшее должностное лицо в крае, фактически не мог эффективно воздействовать на ключевую область – сферу просвещения. Спорные моменты по ключевым вопросам переправлялись в высшие инстанции - в министерства, и через них – к императору, от императора решения спускались в нижестоящие ведомства, что, конечно, тормозило процесс принятия и проведения в жизнь нужных решений.

Второй параграф представляет государственную политику в области начального и среднего образования. Основным направлением политики правительства в сфере начального и среднего образования была попытка унификации национальных окраин через унификацию программ обучения и введение преподавания на русском языке. С одной стороны, в этом прослеживается последовательность в политике русской администрации в 1880-1890-е гг., с другой – переоценка собственных сил в плане возможности выполнения поставленных задач. Недопонимание, которое наметилось между генерал-губернатором и попечителем Варшавского учебного округа,

негативно сказывалось на исполнении в жизнь правительственной программы по укреплению «русского начала» в Привислинском крае с помощью усовершенствования образовательной системы в регионе.

В фокусе третьего параграфа находится политика администрации Привислинского края в сфере высшего образования как возможное средство т.н. русификации региона. Можно констатировать, что процесс русификации Привислинского края не оказал такого воздействия на польскую культуру и язык, какое оказывал процесс онемечивания. При этом не стоит отрицать усиление воздействия русской культуры на польскую в конце XIX века, что было частью политики центральных властей. Однако имидж власти был подпорчен непродуманностью кадровой политики в регионе, непоследовательностью законодательной базы и недостаточностью финансирования ключевых проектов.

В **третьей главе**, «Конфессиональная политика российского правительства в Привислинском крае в 1880-1890-е гг.», анализируется политика центральной администрации в конфессиональном вопросе.

Первый параграф освещает политику в отношении католической церкви. Общее направление административных преобразований по отношению к костелу было выдержано в ограничительно-запретительном духе, что должно было ослаблять позиции католического духовенства, особенно той его части, в которой господствовали антиправительственные настроения, и это было безусловным раздражителем для католического религиозного большинства Привислинского края.

Помимо чисто административных рычагов регулирования конфессионального вопроса, был еще один, казалось бы, не менее действенный инструмент влияния на настроения в среде людей католического вероисповедования – это школа.

Именно вопросу о преподавании религии в государственной школе посвящен второй параграф главы. Очевидно, что школьный вопрос становился еще более серьезным и запутанным, когда к нему примешивалась

религия, а раскоординированность действий высших сановников Привислинского края только усложняла решения вопросов первостепенной важности. Громоздкость бюрократической машины Российской империи и медлительность в решении даже, казалось бы, бытовых вопросов, как, например, о порядке чтения молитв, оказывались несовместимыми с успешной реализацией целей российского правительства в Привислинском крае и лишний раз раздражали жителей региона.

Положению православной церкви в Привислинском крае и политике правительства по отношению к униатам посвящен третий параграф. Можно констатировать, что конфессиональная политика российских властей в Царстве Польском, нацеленная на усиление позиций православия в регионе, была малоэффективной. Основными причинами таких неутешительных результатов были традиционная сила католицизма на польских землях, громоздкость бюрократической машины Российской империи, переоценка финансовых и миссионерских возможностей православия.

В данном аспекте правительственной политики в Привислинском крае, осуществляемой генерал-губернатором И. В. Гурко и попечителем Варшавского учебного округа А. Л. Апухтиным, мы видим, что объединение усилий этих двух сановников если и имело значение, то не решающее. Этому было несколько причин. Во-первых, вклиниваться во внутреннюю структуру католической церкви правительственным органам было невозможно. Следовательно, приходилось действовать опосредованными методами – посредством школ, а также административными приемами. Но ввиду ограниченности этих методов быстрый успех конфессиональной политики изначально был маловероятен. Во-вторых, не было скоординированности в проведении в жизнь задумок центрального правительства Российской империи, что тормозило реализацию принципиальных преобразований не только в Привислинском крае, но и в других регионах Империи.

В заключении сформулированы основные выводы и результаты исследования. В рамках данного исследования ключевое значение имел

следующий аспект, совершенно обойденный вниманием в предшествующей историографии. А именно, политика в Привислинском крае времен Гурко и Апухтина не была жесткой и мрачной по своей сути, на чем основывались авторы подавляющего большинства предшествующих работ в отечественной и особенно польской историографии. Суть в том, что реализация имперских проектов Петербурга в «русской Польше» в 1880-е-1890-е гг. проходила в условиях недостаточной законодательной базы в части определения функций высших провинциальных администраторов, неудовлетворительного финансирования и частых проявлений непрофессионализма чиновников в Варшаве и на местах. Это давало в руки козыри тем оппозиционным силам, которые по разным причинам хотели представить в негативном свете политику российского правительства в конце XIX века, а отнюдь не объективно проанализировать всю сложность преобразовательного процесса в административном управлении национальными окраинами Российской империи. Более того, вряд ли возможно говорить о «политике Гурко-Апухтина» как таковой, поскольку между генерал-губернатором Привислинского края и попечителем Варшавского учебного округа существовали значимые противоречия по ключевым вопросам управления краем, а следовательно, вся система предпринимаемых в крае мер носила ситуативный и несистемный характер.

Как указано в работе, было оформлено нечеткое распределение функций между генерал-губернатором и попечителем учебного округа, в итоге региональная вертикаль власти была фактически раздвоена – с одной стороны, осуществлялось административное подчинение по линии министерства внутренних дел, с другой – по линии министерства народного просвещения. Это было слабым моментом в организации региональной администрации в Российской империи в целом и в Привислинском крае в частности.

Политика, проводимая Гурко и Апухтиным, по своей общей направленности являлась сочетанием мер запретительного характера с

мерами, дающими некоторую свободу действий гражданским и духовным администраторам. Однако в обязанности властей входило не только составить качественные программы преобразований, но и проследить за их надлежащим исполнением. Огромную роль играл профессионализм чиновников на местах. В данном аспекте позиции провинциальной администрации времен Александра III были уязвимы, поскольку, как подчеркнуто в диссертационном исследовании, не было создано эффективно работающего класса среднего и низшего чиновничества.

Красной нитью в мероприятиях администрации Привислинского края в эпоху Александра III проходят усилия, связанные с расширением сферы применения русского языка в общественной жизни региона. Как следует из официального направления региональной политики имперской администрации, расширение применения русского языка в делопроизводстве, а соответственно, усиление его преподавания в высшей и средней школе были обусловлены снижением издержек и соображениями эффективности работы бюрократии, то есть подчинялись общегосударственным интересам.

Свободное владение официальным языком империи было практическим навыком, который позволял продвигаться по службе и реализовываться в общественной жизни. Поэтому те жители национальных окраин, которые хотели «найти себя» в масштабах империи, осваивали русский язык и общеимперские культурные модели. Причем это не приводило к смене национальной идентичности, а напротив, скорее культурно обогащало – это верно даже в отношении такого политического деятеля, как лидер национал-демократов Роман Дмовский (1864-1939), который, как известно, именно при Александре III окончил в Привислинском крае русскую гимназию и русский университет.

Итак, конструктивность идей, заложенных в основу политики времен Александра III, сводилась на нет нечеткостью, заложенной в законодательстве Российской империи, отсутствием эффективной финансовой системы, противоречиями между представителями центральной

власти в регионе, и, как следствие, не стихала критика российской администрации со стороны польской общественности. Это снизило результативность проводимого курса, а наступившая после 1897 г. и особенно после 1905 г. очередная корректировка имперской политики в «русской Польше» еще больше ослабила эффект от рассмотренных в диссертационном исследовании преобразований.

Основные положения диссертации отражены в следующих публикациях (журнал «Родина» входит в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, выпускаемых в РФ, в которых рекомендуется публикация основных результатов диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата исторических наук):

1. Лопатина Е. Б. «Сблизить... с общеимперской жизнью». Установки генерала Гурко по управлению Царством Польским в 1880-е годы // Родина. 2010. № 7. С. 52-53.

2. Лопатина Е. Б. Гурко против Апухтина. Противоречия между высшими чиновниками Привислинского края // Родина. 2011. № 3. С. 69-71.

3. Лопатина Е. Б. Проблема взаимоотношений губернатора и общественности в Привислинском крае в конце XIX века. // Мир в Новое время. СПб. 2009. С. 150-152.

4. Лопатина Е. Б. Административная политика Российской империи в польском вопросе // Сборник материалов научной конференции КубГУ. Краснодар. 2009. С. 101-103.